

треть свои взгляды. Завязкой служит внезапное завещание главной героине дома на острове, который является местной достопримечательностью, так как много лет назад там нашли оставленного младенца, чьи родители как будто исчезли. Ребенка приняли в семью, которая и по сей день живет в тех краях, и Софи предстоит влиться в их разнородную компанию. Детективный элемент, который по замыслу автора должен присутствовать в романе, складывается вокруг этого таинственного исчезновения родителей младенца. Но само событие не описано с должной тщательностью. Автор как будто упоминает об этом вскользь, как о чем-то само собой разумеющемся. Безусловно, это нисколько не способствует формированию атмосферы саспенса, но, напротив, вызывает лишь недоумение. К развязке этой тайны не ведет никакая причинно-следственная связь. И хотя открывшаяся правда соотносится опять-таки с положением женщины в довоенном обществе, сама ситуация представляется довольно банальной.

Романы, создаваемые Лианой Мориарти, можно сравнить с работами популярного американского писателя Николаса Спаркса. В центре его произведений всегда лежит трагическая история любви. Спаркс пишет о судьбе, о человеческих отношениях, о христианских идеалах. Все эти темы близки сюжетам Лианы Мориарти. Даже по стилю повествования работы двух авторов похожи. Впрочем, у Лианы Мориарти действие протекает более заторможенно, некоторые части романа совершенно «пустые», а некоторые наполнены ненужными деталями, не представляющими важности для сюжета, как, например, упоминание о том, что Софи постоянно краснеет, когда злится. У Спаркса лучше получается работать с композицией романа, его сюжеты оригинальнее, вот почему в Голливуде наперебой стремятся экранизировать каждую его книгу (вспомним нашумевшие романтические фильмы «Спешите любить» 2002 г., «Дневник памяти» 2004 г., «Счастливчик» 2012 г.).

Решающее сходство с творчеством Спаркса в том, что «Последний шанс», хоть и написан австралийкой, представляет собой типичное произведение американской поп-культуры. Книги Лианы Мориарти становятся бестселлерами не благодаря высокой художественной ценности, но потому, что написаны по беспроигрышному шаблону, ориентированному на массового читателя. Мы видели, что в «Последнем шансе» намечалось несколько весьма интересных идей феминистского толка, но эти линии поблекли так же быстро, как появились, а потому вполне могут носить неосмысленный, случайный характер. Так, в конце книги одиночка Софи обретает спутника жизни, а в Грейс вдруг просыпается горячая любовь к своему ребенку. А жаль. Ведь нестандартные ходы и оригинальные идеи — это *последний шанс* для рядового популярного романа подняться на одну литературную ступень выше.

Любовь БУХВАЛ

НЕВЕДОМА ЗВЕРУШКА

Нордберг Д. Подпольные девочки Кабула. История афганок, которые живут в мужском обличье / Пер. с англ. Э. Мельник. М.: Э, 2016. 432 с. (Проект TRUESTORY. Вокруг планеты за 80 книг).

«Я хотела бы быть кем угодно на свете — // Только б не женщиной // <...> не афганкой». С этих строчек кабульской поэтессы Ройи начинается свою книгу Дженни Нордберг — шведская журналистка, живущая в Нью-Йорке. Осторожно не определяем пока жанр произведения, остановившись на нейтральном «книга»: этот

вопрос требует отдельного рассмотрения. Так вот, книга Нордберг, лауреата Пулитцеровской премии 2005 года, по признанию автора, составлена «по репортажам из Афганистана, Швеции и Соединенных Штатов в период между 2009 и 2014 годами». Посвящена она не какой-то особой афганской касте или диверсионной группе, как может показаться по названию. Хотя, если разобраться, бача пош — героини книги — в определенном смысле занимаются именно подрывной деятельностью, потихоньку, своими слабыми силами изменяя глубоко закостенелый патриархатный (sic!) уклад жизни афганского общества. По крайней мере, Дженни Нордберг очень хочет нас в этом убедить.

Бача пош — своего рода «неведома зверушка»: и не сын, и не дочь, и даже не третий пол... некая промежуточная фигура. С дари, одного из официальных языков Афганистана, выражение переводится «одетый как мальчик». Автор книги столкнулась со столь необычным явлением во время командировки в эту восточную страну, где она работала над репортажами для журнала *Time*. Нордберг жила в кабульской семье, с первого взгляда примечательной лишь тем, что мать в ней занималась не только поддержанием очага, но и политикой. Уже интересно. Даже если вы совсем ничего не знаете об Афганистане — об исламских традициях и о том, что женщина у мусульман, мягко говоря, далека от публичности, вам должно быть известно наверняка. Афганистан — одно из самых строгих исламских государств, где женщина давно и прочно спрятана за спину мужчины. Однако в 1980-е годы, во времена советского влияния, афганское общество приобрело светские черты. Конечно, не по всей стране, а только там, где базировались советские войска. Именно тогда стало в принципе возможным появление женщины в политике. Так что пример Азиты, главной героини книги, конечно, необычен, но не выходит за рамки афганской нормы. А вот история одной из ее дочерей — выходит. Кажется. Дело в том, что младшая дочь Азиты, Мехран, выглядит как мальчик. Ее наряжают в мужскую одежду, коротко стригут и не заставляют носить головной платок. И вообще о том, что это девочка, знают далеко не все. Удивительное явление возбудило журналистское любопытство Дженни Нордберг и заставило ее провести собственное расследование, эксклюзивными результатами которого она сначала поделилась в серии репортажей для американской прессы, а затем оформила их в полноценную книгу.

В ходе поисков Нордберг выяснилось, что история Мехран вовсе не случайность, а часть многовековой традиции. Таких мальчишко-девочек полно по всему Афганистану. Они есть и в столице, и в глубокой провинции. Знакомая с этим феноменом, автор предлагает нам галерею девичьих и женских судеб. Вот та самая Мехран — семилетняя девочка... точнее, мальчик, которой (-ому) очень нравится бегать и шуметь с друзьями на улице, а носить платок на голове и прилежно учиться — не особо. Вот 15-летняя Захра, отчаянно борющаяся с взрослением и вызывающе разгуливающая в мужском костюме. Вот 35-летняя Шукрия, дожившая в мужском теле до двадцати и духовно сломленная вынужденным превращением в жену и мать. А вот и совсем взрослые бача пош, Надер и Шахед (-а), одна из которых в свои тридцать водит машину и работает тренером тхэквондо, а вторая служит в полиции.

Если бы перед нами был роман настоящего писателя, в этой галерее мы бы увидели красочные портреты каждой из женщин. Так как мы имеем дело с журналом, приходится довольствоваться карандашными набросками. При этом линии прорисованы тем четче, чем больше материала оказалось в распоряжении Нордберг. Едва ли дело в особом замысле.

Шведская журналистка написала развернутый очерк («субъективный отчет», по ее словам) с многочисленными экскурсами в историю, политику, психологию

и так далее. Тем наивнее выглядят редкие попытки создания саспенса или неуклюжие метафоры. Но все-таки Нордберг играет сразу на двух жанровых полях. И вот почему ей это удается.

«Подпольные девочки Кабула» ориентированы на западного читателя. При всей документальности повествования книга этим западным читателем воспринимается как жутковатая сказка: уж слишком далек ее предмет от того, к чему привык современный «цивилизованный» человек. Ужасно сложно поверить, что в наш просвещенный век где-то там, на задворках мира, люди живут в малограмотном средневековье. Что им приходится подстраиваться под аксиому: в семье обязательно должен быть сын, любой ценой, даже если... им придется стать девочке. Что в этой стране женщинам, чтобы получить хоть какие-то права — да что там! порой всего лишь чтобы выйти на улицу! — приходится переодеваться мужчинами, меняя свое естество, ломая психику. Невероятно, страшно, интригующе. Читатель внутренне сопротивляется, не желая верить услужливо собранной статистике, и подсознательно воспринимает текст как вымысел.

Таким образом, получается, что книга Дженни Нордберг — это и нон-фикшн, и беллетристика в одном лице. Нечто среднее. Как бача пош.

Есть в «Подпольных девочках Кабула» и третья сторона — феминистская. Вполне возможно, что для автора она куда важнее документального свидетельства об уникальной афганской традиции (для этого хватило бы коротенького очерка в несколько страниц) или тем паче желания увлечь читателя оригинальным сюжетом. Цель Нордберг, как нам кажется, — доказать важность проблем феминизма на крайне убедительном материале. И действительно, к концу книги сложно не увлечься этими идеями: так сочно, на многочисленных примерах, показано угнетение женщин (причем не только афганских! постоянно приводятся параллели с положением женщин в других местах мира); так безапелляционно в негативном свете показаны мужчины! Да, Нордберг добивается своего, но только читатель — обычный читатель, не поглощенный ранее проблемой ущемления прав женщин, — чувствует себя немного обманутым. Он ощущает себя жертвой пропаганды: то скрытой, а то и вполне явной. А это мало кому понравится. К сожалению, агрессивным пропагандистским тоном грешат многие, если не все, произведения феминистского толка. Можно возразить: вопрос притеснения кого-либо — проблема, о которой нужно кричать! Но мы не на митинге, мы сидим дома в уютном кресле и хотим от книги иного. Чего? Интересного сюжета, если это беллетристика; научной новизны, если это статья ученого; множества документальных фактов, если это журналистский отчет. Все это мы видим в книге Дженни Нордберг, но не покидает мысль, что в итоге по жанру ее книга даже не симбиоз документальности и вымысла, а расползающееся лоскутное одеяло: в нем есть все понемногу, но цельная картина, увы, не складывается.

При всем этом «Подпольные девочки...» впечатляют, возмущают и заставляют сопереживать. В книге приведены ошеломляющие факты. К примеру, оказывается, что в Афганистане женщины прибегают к варварским народным средствам, чтобы еще в утробе изменить пол ребенка — конечно же, на мужской. Или еще пример: мужчина может устно развестись с женой по собственной прихоти, а женщина при этом автоматически лишается практически всех прав, почти гарантированно — детей и, в общем-то, может сразу же готовить мыло и веревку (конечно, есть суд, но он, по сути, бесполезен). Материал, собранный Дженни Нордберг, поистине богат и поразителен. Одна проблема: кажется, этот материал оказался сильнее автора. Возможно, ей просто был нужен хороший литературный редактор.

Софья КРИВОШЕЕВА